

УДК 159.964, 316.62
doi 10.11621/vsp.2017.01.36

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПАТОПСИХОЛОГИИ

А. Ш. Тхостов

В статье рассматриваются возможности объединения двух психологических научных направлений: патопсихологии и социальной психологии. Реализация данного подхода позволит расширить возможности анализа иррациональных и деструктивных форм социального поведения и учета разнообразных форм патологической адаптации, хорошо описанных в патопсихологии. В качестве возможного варианта используются представления современного психоанализа о различных вариантах личностных структур, формирующихся в межличностных отношениях на протяжении индивидуального онтогенеза. В рамках предложенной гипотезы о возможности применения патопсихологических объяснительных конструктов к социально-психологическим феноменам психоаналитическая модель переносится на социальные и общественные отношения. Обсуждаются возможности использования патологических феноменов — бредовых образований, психологической защиты, зависимости — для интерпретации неадекватных отношений субъекта и общества. Основные структуры личностной организации соотносятся с различными вариантами социальных отношений.

Ключевые слова: социальная патопсихология, психологическая защита, иррациональное социальное поведение.

Социальная психология не отрицает того, что человек — не полностью рациональное существо и его поведение не всегда разумно объяснимо (Андреева, 2005; Gabriel, 1999; Kets de Vries, 1980). И проблема не в том, что человек, поступающий нерационально, не очень умен или не понял чего-то, а в том, что он искренне

Тхостов Александр Шамилевич — доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой нейро- и патопсихологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* tkhostov@gmail.com

убежден в рациональности своего поведения. Индивидуальное и коллективное бессознательное может не только определять мотивацию нерациональных поступков, но и приводить к устойчивому искажению социального восприятия, упорству в воспроизведении ошибок прогнозирования и управления.

Более сложные социально-патопсихологические феномены, на которых хотелось бы остановиться подробнее, связаны с определенными типами *отношений* между социумом и субъектом, приводящими к формированию патологических связей, к актуализации неадекватных и ригидных психологических защит, социальных фобий и к снижению уровня социального функционирования.

В качестве исходных посылок нашего рассуждения используем концепцию зонда как принципа формирования топологии субъекта (Тхостов, 2002) и представления современного психоанализа об основных личностных структурах, определяющих способы коммуникации с внешней средой, ведущие формы психологической защиты, ожидания, содержание фобий, личностные ресурсы и стратегии совладания (Патопсихология..., 2008).

Первая посылка основана на расширении феномена зонда от частной иллюзии восприятия до фундаментального принципа формирования границ субъектности. Это попытка ответить на вопрос: каким образом задается граница субъектности, т.е. как проводится граница между *Я* и *не-Я*? Хотя она кажется любому человеку очевидной, на самом деле это не совсем так. Когда я ощупываю зондом (карандашом, ручкой, палкой) какой-либо объект, мое ощущение локализуется не на границе моего тела с зондом, как должно быть, поскольку тело принадлежит мне, а зонд является объектом инородным, а на оконечности зонда и того, что я ощупываю. Подчиняясь мне, зонд сам феноменологически не существует, границы моего тела совпадают с границами того, *чем я управляю*. Это ключевой момент для понимания того, как проводится граница моего *Я*. *Моим* является все, что хоть в какой-то мере мне подчинено, тогда как в ином случае даже часть моего собственного тела, например онемевшая рука, может быть исключена из границ моего тела, если я перестаю *ею управлять*. Условием феноменологического существования зонда является его подчиненность моему движению или предсказанность его движения, в ином случае он сам становится объектом, на границе с которым начнет проходить граница *Я*. Как только он будет обнаруживать собственную активность — например, кто-то начнет им двигать, или он окажется гибким, т.е. способным к самостоятельным изменениям, или его конструкция очень

сложна и ее невозможно предсказать, — произойдет моментальное феноменологическое смещение ощущения с границы окончности зонда и объекта на границу руки и зонда. И зонд из части *Я* превратится в *не-Я*. С другой стороны, какой бы сложной ни была конструкция зонда, он может быть в принципе *освоен*, если его изменения не являются хаотичными. Точнее, если хаос приобретает элементы порядка. Что это значит с точки зрения порождения или разрушения границ субъекта?

Если отвечать на поставленный выше вопрос в терминах социальной психологии, то можно сказать, что социальный субъект феноменологически не совпадает со своим физическим телом, а представляет собой коммуникативное или социальное тело, сформированное столкновением с коммуникативными и социальными запретами и ограничениями. Но, так же как и в случае с зондом, который можно рассматривать как универсальную модель порождения субъективного «тела», не совпадающего с его анатомическими границами, границы социального субъекта могут выходить за рамки отдельной личности, например в случае его идентификации с социальными группами или институтами. Причем эти границы могут быть как вынесенными вовне отдельного субъекта («Государство — это я» Людовика XIV), так и погруженными внутрь его физического тела (описанные М. Фуко (1999) феномены контроля физиологических функций через социальные правила наблюдения и наказания) или целиком захватывающими его (я как винтик огромного механизма). Но так же как в случае феноменологического переживания тела, социальное тело может быть неустойчивым, смутным, противоречивым, подверженным деструкции. Есть особые типы отношения человека с общественными институтами, или такие формы организации этих институций, которые способствуют нестабильности идентичности и как следствие — развитию компенсаторных патологических форм самоидентификации.

Вторая посылка, основанная на использовании психоаналитической концепции основных патологических личностных структур, позволяет систематизировать и частично интерпретировать подобные отношения. В данном рассуждении я буду использовать в самом широком контексте термин «социальные институции», под которым можно понимать как конкретные организации, так и структуры более высокого уровня: социальные группы, государство, институты власти и пр. Возможно, это и не вполне правильно, но ради простоты и внятности на этом уровне рассуждения некоторыми немаловажными частностями можно пренебречь.

Психотическая структура — психотическая институция

С точки зрения психоаналитических представлений об основных патологических личностных структурах наиболее грубое — *психотическое* — расстройство связано с тем, что для человека, находящегося в этом состоянии, границы, отделяющие его от мира, являются размытыми, изменяемыми, непредсказуемыми. Это случай неупорядоченного зонда, движение или форму которого невозможно однозначно предсказать, или поглощающего зонда, когда границы не задаются извне или не защищают субъекта изнутри. У человека не возникает устойчивое базовое ощущение границы Я, а следовательно, и чувство защищенности. Можно выделить три варианта нарушения идентичности при психозе: поглощение, отчуждение и диффузия. Проще всего их можно проиллюстрировать на модели патологического отношения матери к ребенку, лишаящего его возможности создания устойчивой идентичности и приводящего к формированию психотической структуры.

Первый тип психотического отношения — это так называемая *всеприсутствующая* мать, удовлетворяющая потребности ребенка до того момента, когда они будут ясно выражены. Она кормит ребенка до того момента, как он станет голоден, она поит его до того момента, когда у него возникает жажда, укладывает в постель до того как он захотел спать. Таким образом, она заранее и полностью блокирует все те зоны, в которых могла бы проявиться индивидуальность ребенка. Такая вроде бы идеальная мать создает ситуацию, при которой у ребенка не формируются границы собственной идентичности; он рассматривает мать, как принадлежащую ему, его телу, его личности, а себя — как принадлежащего ей. Как может сформироваться ощущение того, где ты заканчиваешься, где ты существуешь? Только если есть некоторый разрыв, где человеку дается возможность для проявления собственной активности и одновременно заданы и стабильны границы этого разрыва, на которых человек сталкивается с противоречием-возражением внешнего мира. В государствах и организациях тоталитарного типа, в которых не существует никакой зоны, никакой возможности для индивидуальной реакции, для индивидуальной деятельности, институция (или ее персонификация в виде лидера) будет обладать качествами такой всеприсутствующей матери, не дающий остальным членам этой группы никакой возможности для создания собственной идентичности. Здесь есть только одно отличие от индивидуальной всеприсутствующей матери: всеприсутствие реализуется не на

уровне реального ухода, а скорее на символическом уровне. Институтция не удовлетворяет отдельные потребности, а диктует, какие потребности вообще может иметь человек, каковы должны быть его ценности, какова сжимающаяся, как шагреновая кожа, доля его самостоятельных желаний. Отдельного человека по отношению к такой институтции не существует, он ее часть, и любая попытка отделения сопровождается страхом аннигиляции: если я часть институтции, то кто же я без нее? В этой системе возможна только одна модальность существования — слияние. Но и это слияние не гарантирует избавления от страха: человек постоянно испытывает колебания от мегаломании до самоуничтожения. Хорошо, конечно, испытывать чувство защищенности, но за это чувство нужно платить полным отказом от своей собственной идентичности. Институтция — это одновременно и всемогущая заботливая мать, и всепожирающий молох. Всемогущество всегда имеет две стороны: оно может и помогать, и не менее успешно губить. Характерным клиническим симптомом психотической институтции является ее сакрализация (или демонизация), проявляющаяся на бытовом уровне: «вечно живой и всегда молодой Ленин», «сидящий в своем кремлевском кабинете и никогда не спящий Сталин», «наблюдающий за всеми КГБ» и пр.

Именно в рамках психотической структуры в качестве национальной идеи может восприниматься победа футбольной сборной, конкурс «Евровидение», развлечения олигархов, с которыми обыватель каким-то странным образом идентифицируется, и прочие массовые «выигрыши». То есть «то, что до реки, — мое, а то, что на другом берегу, — тоже мое».

Второй тип психотического отношения — это *всеотсутствующая* мать. Если мать первого типа удовлетворяет все потребности ребенка до того, как он их выразит, то мать второго типа не удовлетворяет их вообще либо делает это так, что удовлетворение потребностей никак не связано с активностью ребенка. Например, кормит его, укладывает спать только по часам, подходит к нему раз в 15 минут или в час. Так как эта структура навязана извне, она никак не соотносится с потребностями ребенка, и он не может ее интериоризировать. Если первую мать можно сравнить с зондом, захватывающим тебя, заставляющим стать его частью, то вторая мать — это что-то вроде зонда, форма и размер которого непостижимы и который столь же непостижимым образом демонстрирует и свою активность, и ее отсутствие. Это один из самых распространенных случаев институциональной психопатологии, когда институтция отчуждается от субъекта. Она никак не реагирует на то, что

делает связанный с ней индивид, а если что-то и делает сама, то это никоим образом не связано с действиями человека, входящего в нее. Поэтому и принадлежность к подобной институции эфемерна, отчуждение всегда двусторонне. Главное, что с такой институцией невозможно идентифицироваться, она все время остается герметичным *объектом*, внутри которого, может быть, что-то и происходит, но нам не дано этого понять. На уровне обыденного сознания она выглядит либо как «конспирологическая жидо-масонская секта», либо как образ английского парламента в интерпретации Бернарда Шоу: паровоз, который пускает пар и искры, но втайне приводится в движение электричеством. Захар Прилепин описал образ отчужденного государства, исходя из невозможности ответить на два простых вопроса: «Кто такой в России неудачник?» и «Может ли в нашей стране честный человек заработать на квартиру?» (Прилепин, 2009). К этому можно добавить еще: «Откуда возникли современные состояния?» и «Кто эти люди, ими владеющие?» Определение упрощенное, но в принципе верное.

И, наконец, третий тип психотического отношения — это мать, которая постоянно меняет собственный способ отношений с ребенком: как только он приспосабливается к одному, она меняет его на другой. Она то всеприсутствует, то всеотсутствует. То удовлетворяет любые капризы и случайные желания, то исчезает надолго и непонятно, когда появляется. Она все путает: когда ребенок голоден, она укладывает его спать; когда он хочет спать, кормит его. В терминах социальной психологии это такие отношения, основания которых меняются без всякой возможности их постижения, то ли из-за капризов, то ли из-за собственного психоза лидеров организации. А может, просто от глупости или реального отсутствия стратегии. Но обыденное сознание не проникает в дебри причинно-следственных отношений, а ограничивается констатацией того, что капризы, психозы и глупость непостижимы, что с этой институцией невозможно иметь дело и неясно, как с ней идентифицироваться. То ли мы играем в поддавки, то ли в шашки. То ли танцуем в балете, то ли поем в опере. Подобная ситуация может быть транзиторной, какой она была на сломе эпох в нашей стране, когда правила отношений, и раньше не очень-то внятные, быстро менялись. Но намного хуже, когда подобная неустойчивость становится стабильной. Правила все время нарушаются, забываются. На месте забытых появляются новые, чтобы столь же быстро исчезнуть. Это, наверное, самая патогенетичная из трех описанных ситуаций. К двум первым можно как-то приспособиться, но попытка приспособления к последней способна уничтожить остатки внутренней гармонии субъекта.

Все социальные фобии субъекта, включенного в психотические отношения, несмотря на их содержательное разнообразие, группируются вокруг страха расчленения или уничтожения.

Вне зависимости от варианта психотической структуры отношений между институцией и субъектом у последнего не очень много возможностей найти выход. Используются такие архаические варианты психологической защиты, как отказ, расщепление, проективная идентификация. Субъект выбирает формы адаптации, которые с клинической точки зрения можно рассматривать как патологические варианты поведения. Наиболее часто встречаются снижение активности, ограничение контактов, позволяющие минимизировать негативные следствия разрушающего влияния психотических отношений. В выраженных случаях это приобретает оттенок аутистического поведения; к более мягким формам можно отнести варианты эскейпизма и дауншифтинга. Лидеры психотических институций в этом случае жалуются на отсутствие мотивированности, общих ценностей, на пассивность, комформность толпы, хотя на самом деле это лишь попытка сохранить остатки гармонии.

Другим вариантом психотической структуры социальных отношений являются хорошо описанные бредовые интерпретации, возникающие в параноидном псевдосообществе (Каплан, Сэдок, 1994). Наиболее часто они встречаются в замкнутых, эмоционально тесно связанных группах с нерасчлененной внутригрупповой идентичностью: религиозных сектах, монастырях, военных подразделениях. Защитная функция бредовых конструкций состоит в возможности минимального дистанцирования субъекта от поглощающего его социума и придания неясной опасности элементов интеллигибельности.

Одна из важных особенностей психотических отношений — отсутствие в них подлинной коммуникации. Коммуникация предполагает отделенность субъектов, устойчивость системы значений, понятность смыслов. Слияние, отчуждение, диффузия психотической структуры порождают, как и при индивидуальном психозе, размывание значений, эзотеричность смыслов, шизофазические неологизмы: «ни войны, ни мира», «говорим Ленин, подразумеваем партия», «ограниченный контингент», «принуждение к миру», «принуждение к демократии». Речь выполняет любые функции: выражения, внушения, побуждения, но только не сообщения. Поэтому тоталитарные лидеры никогда и не заботились об истинности своих высказываний.

Более зрелая — *пограничная* — структура личности возникает, когда уже создана достаточно стабильная, но еще не устойчивая

структура собственного Я. Границы уже вроде бы заданы, но они еще не могут гарантировать выживания и безопасности. Человек может существовать только в симбиотическом или так называемом *опорном* отношении с другим объектом. Если для психотической структуры проблематично само существование субъекта, то для пограничной — его *самостоятельное* существование. Лишенный объекта, субъект декомпенсируется, испытывая сильный страх или очень сильные эмоциональные переживания. Клинически пограничную структуру легче всего проиллюстрировать на модели реактивных состояний, возникающих в ответ на утрату важного жизненного объекта: смерть мужа, жены, детей, близких родственников, потеря работы. Это вполне обыденные жизненные события, с которыми сталкивается любой человек. Они не радостны и требуют для того, чтобы их пережить, определенных сил и времени. Конечно, любой человек испытывает скорбь в результате утраты кого-то из близких. Это нормально, поскольку близкие являются для нас частично опорными, симбиотическими объектами. В обычных условиях реакция нормального горя продолжается до полугода или года. В случае пограничной личностной организации утраченный объект настолько важен, что реакция выходит за рамки нормальной. Это нескончаемая скорбь, когда люди превращают комнаты в мемориальные музеи, ничего в них не трогая и не убирая, символически пытаются сохранить нетленным объект поклонения. Любая музеификация, как лежащий в мавзолее Ленин, помимо совершенно уж архаической надежды на воскресение, отвечает потребности сохранения опорного объекта. Вся суть пограничного расстройства заключается в том, что утраченный объект уникален и не может быть заменен ни на какой другой. Как бы цинично это ни звучало, но для зрелого человека не может быть единственного объекта отношений. Таких объектов может быть не очень много, но тем не менее маловероятно и не очень нормально, чтобы он был единственным. Плакать по поводу смерти близкого родственника, мужа, жены — нормально, но ненормально плакать всю жизнь. По поводу кончины директора, президента, начальника, вождя тоже должна быть некая разумная грань проявления скорби. Даже любимый дом, любимая работа, родная страна, эпоха, в которой прошла наша молодость, все же не являются неотделимыми частями нашего Я, если не стали для нас опорными объектами.

Институты пограничного типа легко определить по симптому гипертрофированного внимания к особым отношениям любви, привязанности, существующим между их членами. Все социальные роли сводятся к семейному сценарию: дети, мудрые и справедливые

родители, братья и сестры. Организация, позиционирующая себя как семья, обращается, апеллирует, паразитирует на элементарной пограничной личностной структуре, существующей в каждом человеке. Так же как и в реальной семье, подобный тип отношений несвободен от различных вариантов эксплуатации. Не только дети должны демонстрировать послушание, взрослые тоже не вполне свободны в своем поведении. Семейные роли задают репертуар возможностей и ограничений, а будучи фиксированными, блокируют развитие. Идеальная семья неизменна, любое изменение противоречит этой идеальности.

Ключевое слово для любой институции пограничного типа — жертвенность. Симбиотические отношения предполагают обязательные ограничения, а возможность идентификации в этом случае реализуется только при условии соблюдения этих ограничений. Симбиотическая идентичность — это вариант расширенной идентичности, в которой либо субъект является частью другого, либо другой — частью его самого. Подлинная идентификация, как и при психотической структуре, здесь невозможна, но по другим основаниям.

Симбиотические отношения, соответствующие пограничной структуре, возможны не только с одушевленными объектами, но и с неодушевленными (опорными объектами, привычными условиями обитания, элементами среды), а также и с различными институциями. Пример этого — организации, устроенные по семейному принципу, в которых культивируется преданность, неотделенность, жертвенность. «Мы все как одна семья», «Родина-мать», «мы здесь работаем не из-за денег», «общие интересы превыше всего», «наша компания — единая семья».

Метафора зонда в данном случае реализуется на феноменологическом уровне в виде общей границы, ощущения принадлежности к *другому* или обладания *другим*, а на поведенческом — в виде жертвенности или манипуляции.

Формирование, актуализацию и воспроизведение симбиотических отношений можно также соотнести с некоторыми вариантами детско-родительских отношений. В отношениях пограничного типа эксплуатируется тема любви — всеобъемлющей, недоступной, неустойчивой.

Первый вариант симбиоза порождается безоглядной любовью матери, составляющей со своим ребенком неразрывную пару. В каком-то смысле это структурный вариант всеприсутствующей психотической матери, но всеприсутствие распространяется преимущественно на эмоциональную сферу. Недостатками такого рода отношений являются весьма своеобразные личностные особенно-

сти: неустойчивая и хрупкая самооценка, требование постоянной опеки, нечеткое выделение собственных потребностей и интересов, инфантильность. Вторым вариантом — это недоступная, эмоционально отчужденная мать, любви которой невозможно добиться или заслужить и значение которой начинает переоцениваться. Нехватка же любви может привести не только к собственному эмоциональному оскудению субъекта, но и к постоянному и ненасыщаемому стремлению к компенсации. При неустойчивом материнском эмоциональном отношении возникает ситуация «эмоциональных качелей» — сменяющегося приближения и удаления, неуверенности в стабильности привязанности и неуверенности в себе при гипертрофированном и постоянном требовании подтверждения симбиотической привязанности.

Во всех случаях пограничный тип отношений порождает эмоциональную неустойчивость, характеризующуюся крайними колебаниями «от ярости к радости», парадоксальным сочетанием жертвенности и скрытой эксплуатации, поиском опорных или манипулятивных объектов. Нормальное развитие затруднено: если высшей ценностью являются детско-родительские отношения, то ребенок никогда не должен взрослеть. Затруднена и полноценная коммуникация, значение размыто, смысл неважен, поскольку под формой различных сообщений пограничная структура воспроизводит постоянную проверку сохранности симбиотических связей. Это скрытое послание должно «вычитываться», факт говорит не о самом себе, а о стоящем за ним эмоциональном отношении, поступки не просто совершаются, а делаются для кого-то. Социальные фобии группируются вокруг базового страха утраты опорного объекта, сепарации с ним.

Симптомом пограничной институциональной или личностной структуры может быть вполне невинное ностальгическое воспроизводство или консервация утраченных отношений: «как было раньше». Это, например, очевидное ностальгическое отношение к песням, фильмам, кухне советского времени, причем в самом идеализированном виде. Эмигранты, в свое время бежавшие из СССР, диссиденты, скептически относившиеся к советской эпохе, открывают подчеркнуто «советские» рестораны, слушают песни советской эпохи. Конечно, это вполне невинная игра, воспоминание о своем прошлом, но одновременно и отражение невозможности полностью вписаться в изменяющийся мир, потребность в частичном временном регрессе. Лучше всего культура сохраняется в социальных изолятах, связанных изнутри симбиотическими связями. Комфортность отношений, основанных на симбиотических при-

вязанностях, частично объясняет субъективную привлекательность сект, закрытых институций, работы, отнимающей у человека все время, не оставляя его на личную жизнь, или даже таких объективно опасных видов деятельности, как терроризм. Террорист, конечно, каждую минуту подвергается опасности, но взамен он реализует потребность в аффилиации. Видимо, именно поэтому отмечается рост терроризма в обществах переходного типа, утрачивающих традиционные связи.

Невротическая структура — невротическая институция

Следующий по зрелости тип — это *невротическая* структура. Она соответствует приблизительно тому, что в нормальном индивидуальном развитии относится к эдиповой фазе. Сначала ребенок не выделяет себя из мира, не разделяя себя и мать. Постепенно формируется собственная идентичность, пока еще слабая и неустойчивая; на этой стадии развития ребенок может существовать только в симбиозе. Уже к эдиповой фазе он формируется в основном как самостоятельное существо и начинает претендовать на занятие определенного места в институциональных и межличностных отношениях.

В чем социально-психологический смысл эдиповой фазы? Это не просто стремление существовать (как это бывает при фазе психотической), не просто стать отдельным субъектом (чем должна заканчиваться стадия нормального симбиоза), а стремление стать главным. Ощутить свое право, возможность занять не просто какое-то, а самостоятельное, особое, специальное место. В таком социально-психологическом смысле это борьба за первенство, за доминирование — то, что обычно описывается как фаллическая стадия развития. Кто главный? На этой фазе остается очень большое количество людей, что легко увидеть в обыденной жизни, где заместителями фаллоса выступают его производные в виде большого кабинета, должности, звания, особого стола, квартиры, машины, мобильного телефона, начинающегося с особой цифры. Тут фантазия людей беспредельна.

Как стремление войти в симбиоз всегда подразумевает возможность отсутствия любви, так и гипертрофированные фаллические проявления всегда подразумевают некоторые сомнения в том, так ли на самом деле хорош фаллос. Иначе почему мне нужно все время подтверждать свое первенство? Мол, ничего ли не произошло? «Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?» Иерархия невозможна, если я не стою в ней на самом верху, в ином случае любая иерархия

или несправедлива, или унижительна. При этом парадоксальным образом иерархия строго поддерживается, любые ее изменения вызывают тревогу.

Успешное прохождение эдиповой фазы — ключевое условие нормального развития, связанного с обретением устойчивой идентичности, гибкой и резистентной самооценки, с интериоризацией нормативов, возникновением морали, права, совести и пр. Навязчивое стремление к лидерству или его негатив — страх продемонстрировать свои амбиции — симптомы невротической организации личности.

Организации невротического типа — это авторитарные институты. В отличие от психотических, которые тоталитарны, эти институты оставляют место для существования субъекта, но это место четко обозначено. Если для тоталитарной организации субъекта как такового не существует, то для авторитарной он — необходимое условие, именно в доминировании над субъектом смысл ее существования. В таких структурах можно отметить гипертрофированное внимание к чиновничеству, к отчетливой иерархии, к этикету, бюрократии, протоколу и т.п. Невротические проблемы институции можно определить по таким симптомам, как избыточное внимание к аксессуарам власти, подчеркивание, выделение статусных знаков, преувеличенная строгость соблюдения иерархических отношений. За этой строгостью всегда скрывается слабость: демонстрация — камуфляж неуверенности. Социальные фобии основаны на базовом страхе кастрации как символического наказания за неосторожные амбиции, с одной стороны, и страхе перед выросшими детьми, способными к символическому отцеубийству, — с другой.

Коммуникация в невротической структуре также не вполне адекватна. Как в пограничной структуре за формальным значением сообщения всегда скрывается смысл проверки сохранности симбиотических отношений, так и невротический диалог есть подтверждение или проверка сохранности установившейся иерархии.

Метафора зонда в данном случае оборачивается сужением возможностей его феноменологического выделения: активность субъекта либо заранее ограничена, либо не встречает должного сопротивления.

Невротическая структура формируется в ситуации включения в бинарные отношения фигуры кого-то третьего. В классическом психоанализе — отца как конкурента, инкарнацию власти, могущества, силы; в неклассическом — символического отца, «имени отца», как означающего власть и закон (Cléro, 2003). В обоих случаях

идентификация с отцом понимается как усвоенный и интериоризированный запрет или закон. С этой точки зрения у русского общества всегда были проблемы с интериоризацией закона, который в соответствии с логикой пограничной структуры был слишком безличностным, надэмоциональным: судить следовало не по закону, а по справедливости, а еще лучше было бы жалеть. Как и жить предпочтительнее не индивидуально, а общиной; индивидуализм понимался как вариант гордыни.

Можно выделить два варианта развития невротической структуры: слишком сильные или слишком слабые запреты, оборачивающиеся невозможностью или ненужностью их преодоления. Психоаналитически это интерпретируется как слишком сильная или слишком слабая фигура отца. В первом случае это препятствие непреодолимой силы: слишком успешный, слишком опасный, слишком героический отец, на авторитет которого опасно покусаться. Во втором случае отец слишком слаб и вступать на путь конкуренции с ним бессмысленно, это не дает никаких преимуществ, но может лишить комфорта симбиотических отношений. В обоих случаях возникает дефицитарность устойчивой идентичности, которая может компенсироваться либо обесцениванием фигуры отца, либо, напротив, поиском его сильного компенсаторного заместителя.

Ключевая проблема невротической институции — передача властных функций. Если она осуществляется не через наследование, то она крайне проблематична. Хотя ведется много разговоров о подготовке смены, реально ее никогда не готовят. А если готовят, то таким образом, чтобы наследник оказался заведомо слабой фигурой. В таких организациях очень часто высоко оцениваются такие качества предполагаемого лидера, как скромность и уважительность, т.е. то, что на самом деле не имеет прямого отношения к тому месту, которое человек должен занять. Все выстраивается таким образом, чтобы не допустить появления не только превосходящего, но и равного соперника. Поэтому смена власти в этих институциях связана с переворотами, заговорами. Это становится единственным путем развития, поскольку нельзя найти никакого иного способа преемственности. Даже будучи мертвым, символический отец представляет собой опасность, поэтому даже память о нем уничтожается. Сносятся памятники, переименовываются улицы, переписываются учебники истории. Но в этом уничтожении памяти кроется смешанное чувство вины и страха, обретенная же таким путем идентичность всегда будет оставаться сомнительной, а претензии на лидерство нелегитимными.

* * *

Выделенные варианты патологических отношений субъекта и институции, безусловно, выглядят несколько упрощенными. Встретить в реальности чистый тип отношения невозможно, чаще всего мы имеем дело со смешанными вариантами или с актуализацией отдельных компонентов этих отношений в определенных условиях функционирования. Это скорее веберовские «идеальные типы» (Андреева, 2005), реперные точки, задающие координаты для понимания иррациональности социальных отношений. Их цель — не заменить существующие способы социально-психологических интерпретаций, но дополнить их, возможно, не совсем привычным «взглядом со стороны».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005.

Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж. Клиническая психиатрия. М.: Медицина, 1994.

Патопсихология. Психоаналитический подход: Теория и клиника: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. Ж. Бержере; Пер. с фр. и науч. ред. А.Ш. Тхостова. М.: Аспект Пресс, 2008.

Прилепин З. Действительно не понимаю // Прилепин З. Terra Tartarara: Это касается лично меня. М.: АСТ, Астрель, 2009.

Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Наумова. М.: Ad marginem, 1999.

Cléro J.-P. Le vocabulaire de Lacan. Paris: Ellipses, 2003.

Gabriel Y. Organizations in depth: The psychoanalysis of organizations. London: Sage Publ., 1999.

Kets de Vries M.F.R. Organizational paradoxes: Clinical approaches to management. London: Routledge, 1980.

Поступила в редакцию 19.04.2017

Принята к публикации 28.04.2017

POSSIBILITIES AND PROSPECTS OF SOCIAL PATHOPSYCHOLOGY

Alexander Sh. Tkhostov

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Moscow, Russia

Abstract: This article considers the possibilities of bringing together of the two psychological scientific fields: pathopsychology and social psychology. The realization of that approach will enable to expand opportunities of analyzing the irrational and destructive forms of social behaviour and registering various forms of pathological adaptation described in pathopsychology quite clearly. As a possible variant, there are notions of modern psychoanalysis about different types of personality structure which form in the course of interpersonal relationships during individual ontogeny. Within the framework of the proposed hypothesis about the possibility of employing pathopsychological explanatory constructs in relation to social-psychological phenomena, psychoanalytical model is transferred onto social relations. It discusses the possibilities of making use of the pathological phenomena (delusional formations, psychological defenses, addictions) for the interpretation of inadequate relations between a subject and society. The principal structures of personality organization correspond to different variants of social relationships.

Key words: social pathopsychology, psychological defense, irrational social behavior.

References:

- Andreeva, G.M. (2005) *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya* [Psychology of social cognition]. Moscow: Aspekt Press.
- Berzhere, Zh. (2008, ed.) *Patopsikhologiya. Psikhooanaliticheskiy podkhod: Teoriya i klinika*: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov [Pathopsychology. Psychoanalytic approach: Theory and clinic: A manual for university students]. Moscow: Aspekt Press.
- Cléro, J.-P. (2003) *Le vocabulaire de Lacan*. Paris: Ellipses.
- Fuko, M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my / Per. s frants. V. Naumova* [Supervise and punish. Birth of the prison / Trans. with frants. V. Naumov]. Moscow: Ad marginem.
- Gabriel, Y. (1999) *Organizations in depth: The psychoanalysis of organizations*. London: Sage Publ.
- Kaplan, G.I., Sedok, B.Dzh. (1994) *Klinicheskaya psikiatriya* [Clinical psychiatry]. Moscow: Meditsina.
- Kets de Vries, M.F.R. (1980) *Organizational paradoxes: Clinical approaches to management*. London: Routledge.
- Prilepin, Z. (2009) *Deystvitel'no ne ponimayu*. In Z. Prilepin *Terra Tartarara: Eto kasaetsya lichno menya* [Terra Tartarara: This applies to me personally]. Moscow: AST, Astrel'.
- Tkhostov, A.Sh. (2002) *Psikhologiya telesnosti* [The psychology of corporeality]. Moscow: Smysl.

Original manuscript received April, 19, 2017

Revised manuscript accepted April, 28, 2017